

Гоноровский А.

РУССКИЙ ЧУДЕСНИК

Светлой памяти моей мамы

ЖУКОВСКИЙ

Слепые ангелы.

Жил купец.
Мужик - хват.
И разбогател в одночасье.
Так быстро: заснул бедным - проснулся богатым.
И построил он завод. Большой.
Все в нем было - и печи плавильные и станы, чтобы металл прокатывать.
На пустом месте завод построил, а для рабочих - поселок у реки.
Свою фамилию поселку дал - Шилов.
Дома каменные, теплые.
Только все равно ему рук рабочих не хватало.
В то время направил Господь ангелов с неба.
Однажды едет купец в пролетке.
Сам правит.
Глядь - ангелы идут по обочине.
Крылья за спиной, а глаза закрыты.
Слепые.
- Почему вы слепы? - остановился рядом купец.
- Нам глаза ни к чему,- сказал первый, самый старший ангел.- Нам Господь повелел сердцем на земле видеть и людей примечать...
- Не пойдете ли ко мне в работники?- спросил купец. - Мне все равно, чем вы видите... Людей у меня мало, а приметить есть кого...
- Твоя воля. Пойдем. Чего не пойти?- ответили ангелы.
И стали они у купца работать. И пошли дела его в гору еще круче.
Видит он такое дело и мастерами их определил.
Над рабочим людом поставил.
В достатке содержал.
Женил.
И дети у них родились... Обыкновенные, как у всех.
Народ их уважал, слушал.
Только однажды утром проснулись ангелы и открыли глаза.
Увидели себя как есть и заплакали...

Темное место.

Есть день. В народе зовут его «Темное место». В такой день и хороший человек не хочет, а убьет.

Рядовой Краюхин.

Во время войны рядовой Краюхин взрывал собой вражеские танки. Он выбирал подходящий танк, ложился под гусеницу, сворачивался калачом и выдергивал из гранаты чеку.

Рядового Краюхина нельзя было убить. Тогда он был молодой и очень крепкий.

Петух.

В 1778 году близ деревни Рябушки Тамбовской губернии в ночь на Петров день объявился петух-людоед.

Петухом были пойманы и съедены вольный крестьянин Демид Иванов Гумнов и ученый немец Василий Белкин.

Для излова петуха произведена экспедиция. Что и послужило к новому его, петуха, гневу.

Лютый зверь навел страху на весь уезд, так что даже в самом Тамбове дворовый люд до свету боялся из дому выйти.

Продолжение курьеза в хрониках не отмечено. Но по более поздним записям выяснено, что петух «отравлен генералом Усовым, что государыней с войском послан был для усмирения оногo, но компанию проиграл, и петухом съеден...»

Коля и Марина.

Коля часто подглядывал за Мариной, когда та купалась в Кратовском пруду.

Коле было восемь лет, а Марине - одиннадцать.

Но однажды он увидел, как Марина вскрикнула, взмахнула руками и утонула.

Только пузыри пошли по воде.

А потом вдруг Коля увидел, что черный ангел спустился с неба и нырнул в воду.

Через некоторое время он вынырнул и, держа в когтях маринину душу, улетел прочь.

Видно потому Коля решил, что Марина была девочкой плохой и испорченной.

И пошел домой обедать.

Секретные карлики.

Еще до Великой Отечественной войны в КГБ существовал специальный отряд карликов-агентов.

Они могли проникнуть туда, где не мог побывать обыкновенный агент.

Среди них числился агент Максимов. Он был ростом метр двадцать три сантиметра и, как две капли воды, походил на Иосифа Сталина.

Этому агенту так и не было найдено должного применения.

В это же время секретно подготавливалась группа карликов космонавтов, т.к. было подсчитано, что вывести на орбиту такого человека гораздо дешевле.

Первым секретным космонавтом Земли был карлик.

Стаи.

Рыбы эти водятся только в одном притоке Оби. В голодные времена они стаями выходят на берег и нападают на скот.

Народ пробовал с ними бороться - ноги им отрывал.

Ладан.

У командира танковой роты Вити Тимофеева от рук и лица пахло ладаном. И это было чудо, поскольку Витя не мылся никогда.

И явилась ему как-то во сне горящая дева и сказала: «Извини, Витя. Но тебе это чудо досталось по ошибке. Сходи в баню.»

Птицеед.

Харин ел птиц. Ел, как кот, живьем. Даже перья не ощипывал. Мужики, когда узнали, перестали с ним здороваться. Противно.

Участковый к нему несколько раз заходил. Статьей пугал. На что Харин улыбался щербато...

А потом Харин женился. Городскую взял. Пуганую. И родился у него сын Мишка. Жрать птиц у Мишки таланта не было, но в школе над ним все равно смеялись. Птицеедом дразнили. Так дразнили, что плакал Мишка и убегал от всех в лес.

«Ничего,- говорил отец,- вырастешь и найдешь свое желание в жизни... Главное - не робей...»

Рыло.

И, главное, у хорошего человека расти начало. У инженера Тульева.

Рыло.

Как у свиньи вместо носа.

Зарозовело. Вздернулось розеткой. Белым волосом опушилось.

Не жадный. Не сволочь. К жене добрый. К детям.

Двое у него.

Оно и понятно, что родные забеспокоились. Вдруг и на детях генетика не подведет?

Любовь.

Этот парень Майский в соседней пятиэтажке жил. А женщина, в которую он влюбился, с ним же в одном подъезде, этажом ниже.

Парень хвостом за ней - а той и дела нет.

Не нравился.

Мужик к ней ходил бородатый. Здоровья в нем было на троих. Затылок, как доска, широкий и плоский.

Почти каждый вечер приходил. Хоть и на попа похожий.

Видно Майский отчаялся совсем, как-то подкараулил мужика и пырнул его ножом в сердце.

Думал - убил, раз в сердце. Опять же кровь горлом пошла. И из раны - как из полного чайника вода.

Да вот только на следующий вечер этот мужик опять пришел к женщине. Как ни в чем не бывало. А Майского, что на скамейке у подъезда сидел, даже и не заметил.

Безногий.

Бог лишил ног Женьку Меусова за то, что тот, в утробе матери, запинал насмерть своего брата близнеца. Женьке было десять лет, когда он попал под скорый поезд Москва - Йошкар-Ола. Он всю жизнь ездил на коляске, которую смастерил для него отец.

С тех пор Бог больше не обращал внимания на Женьку Меусова. Не наказывал и не награждал.

Узелок.

Алеша всю жизнь любил Таню Евстигнееву. Любил, сколько себя помнил. И поженились они рано - в восемнадцать лет. А еще через семь лет они врезались в столб на собственной "Волге".

Таня погибла, но Алеша, хоть и покалечился, остался жив.

Таню сожгли в крематории, а узелок с пеплом Алеша всегда носил с собой. И если у него к дождю начинали ныть плохо сросшиеся кости, то он прикладывал к больному месту узелок, и боль уходила. Тем и спасался.

Отражения.

Паша Логинов ел свои отражения. За то и под суд пошел.

Спокойствие.

Напало на Ивана Рябова спокойствие.

Тогда ему одиннадцать было. Играл он с пацанами в разведчиков около пустого дома, который давно на снос определили.

Дом-то страшный был, темный, да только пацаны его не боялись. Не столько прожили еще на свете, чтобы по-настоящему бояться.

Забрался Иван в дом. Спрятался под лестницей. Сидит.

Только слышит - шаги.

Подошел кто-то к лестнице.

Стоит. Дышит.

Не удержался Иван, выглянул.

И никого не увидел.

Закричал Иван - и на улицу изо всех сил.

С тех пор, стоило Ивану остаться одному, всегда он эти шаги слышал и дыхание. Будто опять стоит кто-то рядом и ждет чего-то. А иногда и сквозняком тянуло свежим, яблочным.

Боялся Иван пока маленький.

А когда вырос - понял, что это его Ангел-Хранитель, и что доброта - она тоже страшная бывает.

Понял и успокоился.

Будет тебе.

Сила такая есть. Скажешь ей: «Круши» - и пойдет она. Что ей дом, что гора, что человек - все подомнет в поле, всех вровень согнет. Людишки давно силой этой управлять мечтали, чтобы она по пашне за плугом ходила, кирпичи формовала, или конфеты делала. А она - дом, гора, человек - все одно в поле ровняет. Не управисься. Разве что крикнешь ей зло: «Будет тебе!» А потом сядешь, зажмешь уши и ждешь. Долго ждешь. Авось успокоится.

Изобилие.

Сиделец один в степи сидел тридцать лет. Ящерками питался и ковылем. Болел разно. И увидел однажды он человека, что над травами шел и стеблей не касался. Ты кто, спросил сиделец. Грешник я, сказал человек и заплакал.

Вот так всегда, кому все, а кому – что сам возьмешь.

Книга.

Есть такая книга, от которой умирают. Потому что в ней все до конца написано.

Колхозник.

Один колхозник имя свое взял, да и подарил людям проезжим. По глупости подарил. Теперь его все так и зовут – колхозник. А проезжих тех и ветру не сыскать.

Какая она.

Фамилию свою этот человек не назвал. Только сказал, что однажды видел Любовь. Говорил, что всю ее не разглядел, но заметил два хвоста зеленых длинных, зубы острые и взгляд собачий жалостливый.

Лыко.

Растет такое дерево близ деревни Клинское, что от Оки в десяти километрах. И если с того дерева надрать лыка, и обмотать им ногу, то нога станет вечной и болеть никогда не будет. Ни раны ей не страшны, ни смерть.

Шептун.

Раньше жил такой человек – Вася Хрипун. Он ходил на все похороны. И перед тем, как покойника в землю класть, подходил к гробу, клонился к самому уху и шептал в гроб свое желание. И чтобы он не пожелал - все исполнялось.

Нетрись.

От жизни иногда у человека нетрись бывает. Вот человек - ходит, разговаривает, улыбается, детей делает. Нормальный вроде... И никто не знает, что нетрись его уже всего забрала. Цепко держит.

Баба.

Нашли как-то в устье Волги каменную бабу, которая, хоть и каменная, умела детей рожать. Уж кто к ней пристроился неизвестно. Только родила она трех сыновей с виду обыкновенных, и при родах умерла. В песок рассыпалась.

Сыновей в детдом отдали. Многие были против их жизни. Боялись, пойдет вместе с ними по Руси нехорошее. Оно может и так. Да кто уследит?

Заморозок.

Было зимой. В Вершинках, что на Белом море.

Выпил Толик Мухин на Новый Год, пошел домой, упал в снег и в деревяшку замерз. Его после праздников нашли. Когда народ на работу шел.

Вытащили Толика из снега. Глянули.

А смешная вышла из него раскоряка, да и лицо веселое. Будто праздник вернулся.

Решили Толика не размораживать, а поставить в холодильник на рыбзаводе, чтобы настроение людям поднимал.

Радость.

А бывает и так – радость такая, что хоть в петлю полезай.

Мумия.

В селе Пласкинино открылось, что местный бухгалтер Семен Ильич Ферапонтов - мумия. И не то людей раздражало, что Семен Ильич не пил водки и не закусывал. А то, что не имел в дворике своем туалета.

«Ладно,- говорили ему мужики. - Ты нас не уважай. Плюй на нас - стерпим. Только, вот, естественный вид вещей не нарушай. Построй туалет. Не позорь село.»

На это Семен Ильич отмалчивался.

Дул губы.

Кислотники.

На Красноярском химическом заводе в кислотном цехе бригада живет.

Мужики обыкновенные.

Но каждый из них умеет кислотой плевать, да так метко, что мух на лету может жечь и малую авиацию.

Аллочка.

Аллочка Бабашина работала в Ильинском ЗАГСе. Заведовала смертями. И умерла в сорок лет. По знакомству.

Средство.

От многих болезней можно вылечится настоем из трав, что появляются в сумерки под креслом большого начальника. И рангом он должен быть не ниже заведующего сельпо. Чем начальник выше, тем трава сильнее и настой целебнее. Но это, может, и слухи.

Край земли.

Есть край земли. У других земель может и нет, а у нашей есть. К северу от Магнитогорска. Не обрыв, не море, а темное горло неизвестного существа.

Тропа.

Тропа эта под городом Озеры. От Сенниц в Полуряденки. Днем она прямая как брус. А ночью испетляешься весь, заплутаешь и завалишься спать к неизвестным тебе бабам.

Апатиты.

В городе Апатиты приговоренных к расстрелу, чтобы душа без обид свинец приняла, поют водкой, балуют всяко и даже в город отпускают на три дня.

Подушки.

Ночью из набитых пером подушек выходят призраки птиц. Они усаживаются на спинку кровати и смотрят в хозяйские сны.

Граница.

Граница такая, что не всем видать. С этой стороны – мы. А с другой – нечисть рогатая. Служба на той границе идет год за три. И даже рядовой под дембель может получить лейтенантские звездочки.

Рыба.

Известно. В прошлом веке на Волге поймали рыбу большую с народцем внутри. Народец был обыкновенный, крестьянский.

Рыбу съел самарский градоначальник, а народец был рассеян по губернии.

До сих пор под Самарой есть деревни Пескари и Рыбалово. Там от людей рыбой пахнет.

Сила.

В деревне Сенницы жил тракторист по прозвищу Сила. И приснилась ему раз в июле баба. Зеленоглазая, румяная, добрая. «Приходи, - говорит, - завтра ко мне в рощу, что за полем.» «Ты кто?» - спросил Сила. «Я Жизнь, - сказала баба. - А тебя выбрала, потому что ты самый сильный человек на Земле, и от нас с тобой новая жизнь народится. Приходи... Ждать буду...»

Попутру Сила в рощу пошел...

Пришел, а в роще - та самая из сна, и ничего на ней нет. Голая. Стоит травами прикрывается.

Лег с ней Сила и про все на свете забыл. А домой пришел - октябрь на дворе. Уж и сорок дней давным-давно отплясали.

Удивились деревенские, головами покачали... А что скажешь?

Про рощу Сила никому не рассказывал, но только с тех самых пор все о ней только и думал. О Жизни. Даже толстеть стал.

А на следующий год одолела Сенницы саранча. Никогда раньше не было, а тут - на тебе...

Стал Сила на своем тракторе по полям ездить, химией саранчу поливать, а навстречу ему Жизнь: «Стой! Ты что?..» «Саранчу вывожу... Мы всей бригадой ее выводим». «Другие пусть выводят, а тебе нельзя, грех... Ты ведь им родной.»

Против своих не пойдешь.

Божья свеча.

У директора малаховской средней школы Паренцова в груди горела божья свеча.

Был он как все. Только по утрам приходилось ему долго оттирать от копоти ноздри и верхнюю губу.

Ряженые.

Есть такие шкуры звериные. Их в заволжском зверосовхозе выделывают. Наденешь такую шкуру и в зверя обращаешься.

Раньше эти шкуры только для органов выделывали. Секретно. А теперь - кто хочешь, пользуйся, если деньги есть.

Кажется.

Иногда и праведнику кажется – вот убьешь одного-двух и счастье.

Земляной человек.

Это Егор Пресмыкаев в пятьдесят четвертом под землю ушел. Он погребя городским рыл. Ноги у него с войны не двигались, зато руки сильные - лопата стонала. Рыл, рыл и пропал. С тех пор его никто не видел, только местами иногда в городе вздрагивала и оседала земля.

Ночью.

Видел сегодня ночью летающую церковь с куполами бронированными, пулеметами в бойницах и чертежами секретными внутри. На нее народ надеялся, что прилетит и покосит вражину.

Врагов не видел, но знал, что где-то рядом.

Счастье.

Говорили мне о таком месте, где счастье продается. Есть деньги, нет, а купить все равно можно. Настоящее. Сколько унесешь. В других местах втридорога, поддельное или ворованное... Такое в руках тает. И не ототрешь потом.

Терпение.

В одном роддоме в Тарусе сидит человек. Долго сидит. Безвылазно.

Сорок пять лет уже.

Говорит, что ждет своего рождения. Что срок родиться ему здесь через семнадцать лет. А до того срока даже из окна лучше не выглядывать.

У некоторых наших жизнь до жизни уже наперекосяк.

Лоб.

Петя Гольдберг из колхоза Светлый праздник ломал лбом стены.

Склад сельпошный пробил. В клубе теперь дыра. В столовой опять же дует.

Не ахти какое чудо. Но другого в колхозе не было.

Болото.

В болоте под Смоленском во время войны с Наполеоном целый военный оркестр утонул. Французский. Его туда смоляне заманили.

А из Смоленска потом много хороших музыкантов вышло. Там даже до сих пор школа музыкальная есть.

Дорога.

Есть такая дорога. Уж как ее не мостили, а шофера по ней все равно не ездят. Боятся. Стоит лишь на нее хоть одним колесом попасть, и съехать не сможешь. Так и чешут по ней все по прямой, пока бензобак от пустоты не зазвенит.

Лыжники.

Если зима хорошая, то под Бронницами в лесу всегда соревнования по биатлону проводят.

А потом, где-то с неделю еще, из леса выстрелы слышны и дворники в погонах снегом кровь на лыжне засыпают.

Нельзя.

В Смородине ночью из дома трезвому выходить нельзя. Выйдешь трезвый, а вернешься лет через тридцать ветхим стариком.

Ясный взгляд.

Все, кто видели ясный взгляд пятилетнего Ромки Чалого, говорили – не жилец.

Батарей.

В бывшем доме купца Таранкулова, где теперь «Музей народных ремесел», в батареях живут особые змеи. Если приложить ухо к трубе – можно услышать, как их бока скребут о ржавые трубы.

Потому на народные ремесла никто смотреть не ходит. А если приходит – батареи слушает.

Как отличить.

Как отличить настоящего дворника от поддельного? Настоящие умеют летать.

Способ.

Баба жила в Хлопонино. Говорят, она уже на сносях насмерть изнасиловала семерых мужиков. Потому и ребенок у нее родился умный и сильный. В пять лет в третий класс пошел. А в четвертом классе его уже учительки боялись. Стал же он потом известным человеком. Не то зоотехником, не то начальником тракторной колонны.

Кресло.

В актайском доме культуры есть кресло. Стоит в него человеку сесть, как он себе прекрасным кажется. Вмиг забывает, какая у него внутри черная яма.

Секретный проект.

В пятидесятом году поручено было группе товарищей связаться напрямую с Богом или дьяволом. С кем получится. Деньги большие были дадены.

Секретнее этого проекта ничего не было. Всех секретарей, что приказы писали, расстреляли. Даже уборщиц и охранников, что рядом находиться могли и какую-нибудь копирку нечаянно увидеть, на Соловки отправили мечтать.

Три года под землей ученые над связью бились. Хитроумные аппараты городили, ловушки магнитные, антенны параболические, библию штудировали, кровь с ладаном мешали, знаки разные чертили...

Сам Хозяин к ним в лабораторию приезжал, колбы трогал...

И сделали апаратец. Маленький. Со спичечную коробку.

Отнесли...

Рад был Хозяин. Всех наградить обещал и даже домой пока отпустил.

А наутро нашли его на полу.

Лежит в мундире. С коробкой в руке. Мертвый.

И хитро так улыбается.

Нелегкие тапки.

Дед подарил Митроше нелегкие тапки. «Носи их, - сказал. – Будешь к пятнадцати годам бегать без тапок этих быстрее всех». А Митроша любил играть на скрипке. Уж как выводил хорошо. Только музыку его потом никто дослушать не мог. Убегал мальчик.

Железная рука.

На Сарапульской спичечной фабрике, в несгораемом шкафу директора лежит большая железная рука. Иногда, по праздникам, руку выносят на площадь и двигают её пальцы.

Глубина.

Кузьма Парадов из Ступино знает, как можно доподлинно измерить глубину человеческой души. Тем и живет, но пьет сильно.

Громко.

Главный агроном хозяйства «Новый мир» Андрей Исаакович Усяев заметил, что если в поле засеянное выйти и начать разговаривать громко, то и растет все по-разному. Пшеница любит, чтобы ее уговаривали. Рож - чтобы песни пели. Люцерна – протеста в голосе требует. И никто, кроме сорняков, не выносит чтения вслух газет и журналов.

Это свое открытие агроном не только на делянках хозяйских, но и на жене проверял, отчего та обижалась и оказалась неожиданно на сносях.

Уха.

Наш Бог своим ангелам запрещает уху есть.

Обычай.

Кунино – старое село. Никто не знает, когда возникло. Историки в такую глушь не заезжают.

И есть в селе обычай. Сохранился. Если хочешь у Бога что попросить, нужно часть от себя отрезать. Палец или другое...

И безруких много было в селе и безногих. Говорят, у одного мужика, даже головы не было, но это уже, наверное, врут...

С виду.

И такое бывает. С виду – человек, а внутри - черная земля.

Бродяжье море.

Профессия редкая. Моря искать. Те, что блуждают по земле. Это когда сейчас море, а завтра - суша. И только крабы в засохших водорослях трещат.

А он пойдет, найдет. Куда бы не ушло.

И укажет остальным путь.

Шашки.

На Ставрополье один хряк в шашки играть умеет.

Жаль - поддается часто.

Боится – зарежут.

Учительница пения.

Был такой случай с учительницей пения Марьей Михайловной Хватовской, что жила в деревне Островцы недалеко от Москвы.

Пошла как-то она в лес за зверобоем. А в лесу солнце, березки вытянулись.

Хорошо.

Запела Марья Михайловна. Уж больно любила.

И явилось перед ней деревянное чудище с рогами из сучьев, ногами из корней. «Здравствуй, - говорит, - Марья Михайловна. Научи меня петь». «Как же я тебя научу? - ответила Марья Михайловна, - На это времени надо много... А может у тебя и слуха-то нет...» «Я все слышу по всей земле, - сказала чудище, - даже молчание. Только петь не умею... Учиться мне много не надо, а за службу отплачу тебе сторицей».

С тех пор, говорят, только ветер в том лесу появится, так слышатся среди ветвей голоса, будто ангелы в листве заблудились.

А из Марьи Михайловны с тех пор каждый год выходит по полену, из которого потом волшебный инструмент делают. Поленья те на вес золота среди мастеров ценятся. Чудо какие звуки.

Неволя.

Неволя – это когда свет видишь, а до солнца не дотянуться.

Счастливые сказки.

Все счастливые сказки Ремизовской губернии заканчивались словами – И через три года у них родилась мертвая дочь.

Рождения.

Может от воды плохой, но только в Заварино люди стали заново рождаться. Что не ребенок, то знакомый. Уже и покойный председатель колхоза Григорий Федорович Коламазов родился. Его учителька географии родила. Катей назвали.

Завхоз бывший Елена Сергеевна Сомова – Нюшка теперь. Дочка доярки Остроуховой.

А тракторист Никита Кумов – сейчас участкового Перельмана сынок.

И ведь помнят детишки свое прежнее.

Не хотят к новой жизни привыкать.

Заяц.

Говорят, есть такой заяц под Курском, которого если поймать и переломать ему все лапы, счастливым на всю жизнь человека сделает. Только обязательно заяц тот, после всего, должен встать и ускакать самостоятельно.

Из шахты.

Обычно шахта жизнь забирает, а тут дала. Нашли его на пятом уровне голого.

Кожа от угля блестит. Кто такой? Из каких списков? Неизвестно. Говорить не умеет. А смотрит радостно.

Брови.

У поварихи Ирины Томилиной брови ползали. И заползали черт-те куда.

Она и к врачам ходила и клеем брови мазала. А те ползают.

И главное, как начинается, так и вокруг случается что... То авария на стройке, то жена директорская ножом по пальцу тяпнет, то спутник с орбиты сойдет...

Местный учитель геометрии Резо Нугзарович Джапаридзе часто Томилину осматривал. Измерял. Зарисовывал. Искал в ней тайные знаки судьбы.

Хор.

Хор в Коломне по четвергам поет. Сорок семь человек. Всегда сорок семь.
Хорошо поет. Стройно.
Эхо по улицам путается. Стекла в такт дрожат. Лошади на окраинах плачут.
Только детей в этот хор не берут. Потому что каждый раз после пения один человек в хоре пропадает, будто и не было.
Вот и ищут до следующего четверга еще одного.
Иначе песня не выйдет.

Шкатулка с секретом.

А вот такая шкатулка с секретом есть.
И сколь ее чекисты не пытали, сколь железом не жгли, она все равно свой секрет не выдает.
Держится.

Свисток.

У Гали Самойловой в голове прижился свисток. И когда Галя думала, то об этом знал весь дом.

Упырь Бессонов.

Петр Ильич Бессонов был упырем бензиновым. Ночью он нападал на спящие машины и высасывал из них бензин через особый хоботок. Водители частенько ловили Петра Ильича и завязывали ему хоботок в узел.

Главный человек.

Главный человек везде есть.
Даже если Бога найдешь и начнешь в нем ковыряться, то главный человек и там будет.
По-простому с тобой обойдется. Чай там. Баранки. Душа-разговор.
Но только не спрашивай его о вечном.
О вечном нельзя.

Безобразник.

В селе Чуматово жил один безобразник. Уж как хулиганничал.

Только не любили его мужики, за то, что он самогон не пил. Трезвый, значит, озорничал.

То клуб спалит, то незрелые яблоки в чьем-нибудь саду посшибает, то зерно в амбаре сгноит.

А не поймаешь, потому что трезвый. И не весело все.

Монастырь.

В верховьях Оки стоит монастырь. Но молятся там не Богу, а Панченко. Трактористу.

И тот Панченко иногда в лунные ночи выезжает из реки на своем белом тракторе и делает чудеса.

Про цифры.

В детстве Филиппок Сушкин легко умножал в уме семизначные числа. Но ответов никому не рассказывал. Жаден был.

Первый человек.

Артемов был первый человек. Народ еще грядок не изобрел, а он уже был. Дергал из земли всякое.

Мертвая пыль.

Если найти мертвую пыль и пальцем написать на ней свое имя, то помнить тебя будут на сорок семь дней дольше, чем нужно.

Укрощение муравьев.

Один дядька из Мичуринска по фамилии Румянов умеет муравьев укрощать. Они у него не муравейники строят, а избы.

Только жить в них неудобно пока.

Кусаются сволочи.

Завод.

Завод в Нижнем Тагиле. Маленький.

Рабочих – человек пятьдесят.

И все мужики – ни одной бабы.

Иногда берут какую на работу уборщицей или секретарем. А она, глядишь, через две недели уже мужик.

Грустно всем от этого, а сделать ничего нельзя.

Разумные кирпичи

Панька Свиридов в диспансере изобрел разумные кирпичи. Сами в стенку складываются и начинают тосковать.

Лапоть.

Есть такой лапоть, и если наденешь его, то снять невозможно. Любому подойдет, а носить до смерти или ногу отрубай.

Многие через тот лапоть прошли.

Валя.

Валя Мальцева рожала воров. От кого ни кого и сколько ни рожай. А только двух недель от роду дети ее уже таскали у соседей хлеб и комбикорм.

Врач.

Этого врача вызывали только на похороны.

Подходил. Брал за руку. И все.

Некоторые оживали. Но были очень недовольны.

Товар.

Илья Абрамыч Фаламеев, что под Саранском живет, шьет из любви шубы теплые и валенки мягкие катает. Легкие такие.

Снимать не хочется.

Одна беда – шубы те, ни с того ни с сего, могут в одночасье владельца задушить, а валенки – ноги скрючить и суставы вывернуть.

С фокусом товар.

Сагайдачный.

Жил такой человек.

Фамилия ему была Сагайдачный.

Он всегда знал, что с ним будет. Ни про кого не знал. Только про себя.

Все до деревяшки.

Знал в двенадцать, что мужиком станет через семь лет.
И звать ее будут смешно - Роза.
Знал, что аппендицит ему вырежут в двадцать три в Надыме, в командировке.
И он чуть не умрет.
Знал, что в тридцать шесть влюбится. В такую, в которую не надо. Знал, что у нее внутри за крепкими ребрами коробка со спичками, но мокрые они давно от жарких соков жизни. И знал, что четыре года надо потерпеть свою любовь.
Просто надо потерпеть четыре года.
И терпел и ждал каждого срока, который приходил как электричка на станцию Голутвин.
Знал, что в апреле, не достучав месяца до сорока, замолчит его сердце.
И не пил. Потому что знал, что не пил.

Матвей.

Матвей Железняк был в себе заперт. Уж как ни старался выйти - не мог. И в стенки бился. И на помощь звал. А все зря.

Шишки.

Болезнь такая – шишки. Так и называется.
Как ею заболеть неизвестно, а только однажды человек покрывается шишками с головы до пят, а потом вдруг думает - чего это я тут? И умирает.

Лис

У комбайнера Шмулевича из села Коровинское была душа. Однажды во время уборочной Шмулевич у комбайна своего заснул. Разморило от жары и запаха убитой пшеницы.

А тут лис. Хвост общипанный. Ухо прокусано. Правого клыка не хватает. Подошел посмотреть, как ноздри у Шмулевича шевелятся, да и вдохнул нечаянно его душу.

С тех пор каждый вечер видели лиса у коровинской пивной. Ходил он на официантку Наташу Белову смотреть. Ходил, пока свои мужики ногами не затоптали.

Курган.

Был такой курган под Запорожьем. Если на него баба заберется - вмиг забеременеет. Старая. Молодая. Замужняя. Одинокая. Вдова или солдатка.

В начале сороковых, перед самой войной, на том кургане целый класс из женской восьмилетки вместе с учительницей забеременел. Они в однодневный поход ходили по родной стране.

Учительницу, конечно, арестовали, допросили... Та больше плакала и ничего толком сказать не могла... Следовательно сам лично на курган забирался, стоял. Эксперимент проводил с морской свинкой.

Ничего.

Свинка так и осталась, как была.

А когда построили ДНЕПРОГЭС - затопило курган. И теперь, разве что, какая-нибудь пассажирка, проплывая на теплоходе то место, внезапно охнет и нехорошо посмотрит в темную воду.

Поджигатели.

Имеется такая работа – деревни пустые жечь.

Артельное дело.

Вот и ходит артель по дорогам. Выжигает мертвые села и города. Крошит все в чернозем, чтобы чище стала земля без памяти прошлых племен и народов.

Поле.

Есть одно поле... С тем, кто добрался до него, ничего не случается. Но после человек и сам не знает - он это еще или нет.

Не ищи.

Сколько у нас ни шарь, не найдешь проходящего. Только вечное.

Светлое.

Когда огненный дождь дороги выжжет.

Когда исчезнет соль и покорное мясо.

Когда от тесноты ползут из земли черви.

Когда человек, не в силах прогнать мух из глаз, будет наощупь искать себе яму.

Тогда и начнется Светлое.

***АВТОР:** Гоноровский Александр Александрович,
тел. дом. 8 498 483 0923,
Моб. +7 903 546 1420,
e-mail: gonor2000@gmail.com*